

Владимир Шаронов
(Калининград)

НЕИЗВЕСТНАЯ ФОТОГРАФИЯ ЛЬВА КАРСАВИНА¹

В свою последнюю поездку в начале сентября 2013 года к месту захоронения Л.П. Карсавина в поселок Абезь (Республика Коми) я встретился с местным жителем, бывшим кочегаром Виктором Ложкиным. Именно его многолетними стараниями после обнаружения точного места упокоения Льва Платоновича были установлены десятки имен известных людей, скрывавшихся до поры за литерами на могильных табличках. Среди прочей своей энергичной деятельности



Виктор воспользовался и переданным мной вильнюсским адресом дочери Карсавина — Сусанны Львовны.

Она откликнулась на письма и почти сразу очень тепло отнеслась к мечте Ложкина создать в Абези большой мемориальный музей. Поддерживая этот проект, Сусанна Львовна прислала в Абезь редкие сохранившиеся фотографии Льва Платоновича, сопроводив каждый будущий экспонат личной дарственной надписью. К сожалению, обычные материальные проблемы и человеческая несогласованность не дали сбыться мечте Виктора Васильевича в ее первоначальной форме самостоятельного и большого комплекса. Под письменные гарантии вечного хранения и гарантии создания в Абези полноценного филиала Виктор передал все накопленные экспонаты в Интинский краеведческий музей. Часть собрания В.В. Ложкина представляют собой оригиналы известных фотографий Льва Платоновича, но есть там и со-



вершенно уникальные документы. Даже среди них особенно выделяется совершенно неизвестное фото 49-летнего Карсавина. На нем он без привычных очков или пенсне, карточка была заказана им в ателье сразу в форме почтовой открытки (рис.).



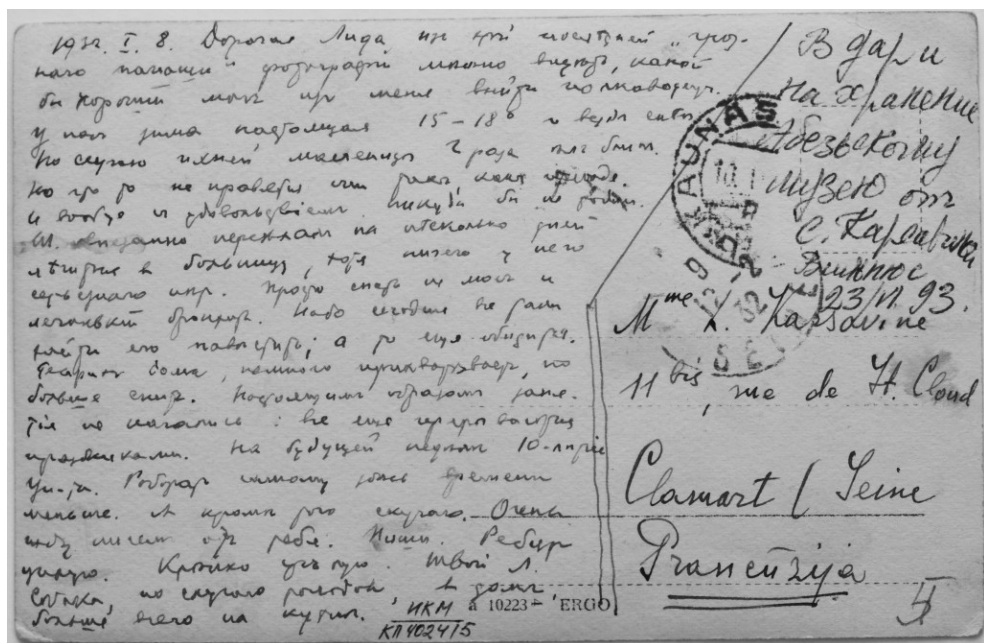
Рис. Л. Карсавин (фото из фондов Интинского краеведческого музея, г. Инта, Республика Коми)

Письмо на ее оборотной стороне Лев Платонович отправил в Кламар сразу же после выхода в свет «Поэмы о смерти». В ней знакомый с биографией мыслителя человек может рассмотреть и черты обычной для Карсавина самоиронии, и следы острых переживаний своего мучительного одиночества. Ради семьи и любимых дочерей Лев Платонович пожертвовал своей большой страстной любовью к Елене Чеславовне Скржинской. Однако жена вместе с младшей дочерью Сусанной согласились переехать в Каунас лишь спустя 7,5 лет после того, как сам Лев Платонович по приглашению Каунасского университета имени Витовта Великого покинул уютное предместье Парижа. Как видно из надписи на открытке, свое состояние

глава семейства старался скрыть за напускной веселостью. Впрочем, невидимые миру страдания Льва Платоновича сделали свое. Прибывшая наконец в Каунас Лидия Николаевна писала 13 июля 1936 года старшей дочери Ирине: «Папа нас встретил, сразу не увидел нас и думал уже, что мы не приехали. Суся его увидела первая, он оч. похудел и почернел. По-видимому, у него период неврастения, так что иногда он мгновенно устает и чувствует упадок сил, по-моему, главное от нервов. Он очень рад нам, мне даже так стало его жалко». К этому моменту сама Ирина Львовна уже второй год лечилась от «открывшейся нервно-психической болезни» в парижской клинике Адриена Бореля, шефа клиники Св. Анны для душевнобольных. После выздоровления в 1937 году муж тети — знаменитой балерины Тамары Карсавиной известный английский дипломат сэр Джеймс Генри Брюс, имевший титул баронета, — устроил Ирину стенографисткой в Ко-



митет по изучению эмиграции при Королевском институте иностранных дел. В 1938 году Ирина присоединилась к семье. Средняя дочь — Марьяна в 1933 году вышла замуж за одного из основателей евразийского движения, музыкального критика Петра Петровича Сувчинского. Ее письма 30-х годов полны упоминаний о приездах к ним в гости И. Ф. Стравинского и других известных деятелей русской культуры.



Надпись на обратной стороне фотографии рукой Л. П. Карсавина:

1932.I.8 Дорогая Лида, из этой последней "грозного папаша" фотографии можно видеть, какой бы хороший мог из меня выйти полководец. У нас зима настоящая 15—18° и везде снег. По случаю ихней масленицы 2 раза ел блины. Но что-то не нравятся они так, как у тебя, и вообще с удовольствием никуда бы не ходил. Ш.² внезапно переехал на несколько дней лечиться в больницу, хотя ничего у него серьезного нет. Просто спать не мог и легонький бронхит. Надо сегодня все-таки пойти его навестить; а то еще обидится. Старик дома³, немного прихворывает, но больше спит. Настоящим образом занятия не начались: все еще прерыва-

² Владимир Семенович Шилкарский, у которого Л. П. Карсавин жил по переезде в Каунас.

³ Вероятнее всего, речь идет об отце В. С. Шилкарского.



ются праздниками. На будущей неделе 10-летие ун<иверсите>та. Работать самому здесь времени меньше. А кроме того скучаю. Очень жду писем от тебя. Пиши. Ребят целую. Крепко целую. Твой Л.

Собака по случаю холодов в доме, больше всего на кухне.

Надпись рукой Сусанны Львовны Карсавиной: «В дар и на хранение Абезьскому музею от С. Карсавиной. Вильнюс 23/VI.93».

Выражаем искреннюю благодарность за предоставленные материалы директору музея Яне Станиславовне Румянцевой.

**НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ,
РЕЦЕНЗИИ**



Главное достижение фестиваля «Весна поэзии» состоит в том, что за свои 50 лет он значительно поднял престиж поэтического Слова. Он является международным, и все-таки большая часть его мероприятий посвящена литовским авторам и адресуется литовским слушателям. Зарубежные поэты приглашаются на несколько дней, когда проходят важнейшие мероприятия и чтения. Число представителей разных стран обычно не менее десяти, и калининградские поэты — желанные участники фестиваля.

Нина Перетьяка

Несомненно, чествование Донелайтиса 1 января в Чистых Прудах, в месте проживания поэта, которое сейчас все чаще называют мемориалом Донелайтиса, — важное гуманитарное событие, имеющее общекультурную значимость.

Кястутис Каминскас